

Белая Богиня

ИЗБРАННЫЕ ГЛАВЫ

Роберт Грейвс

БКК 821.111

УДК 86.2

Роберт Грейвс.

Белая Богиня. Избранные главы. – "Ars Magica", 2025. – 344 с.

«Белая Богиня» Роберта Грейвса – это не просто исследование мифов, поэтическая реконструкция утраченного языка древних культов Луны и Музыки. Автор показывает, что длинная поэзия всегда была связана с магией, мистерией и поклонением Богине, европейской традиции – лишь разветвления древнего лунного мифа, идущего из глубины веков, Книга решения мифологии, филологии и личного видения Грейвса. Она разрушает привычные академические трактовки мифа, утверждающего, что поэзия – это не литературное украшение, а способ общения с сакральным. «Белая Богиня» обращена к тем, кто ищет в поэзии источник древнего вдохновения, первоизданную силу и связь с древней традицией. Она станет открытием для поэтов, с вниманием к мифологии и всем, кого интересует тайный смысл литературы и ее истоки. Этот труд, вызывающий не равнодушное любопытство, восторг и ужас – неизменные спутники прикосновения к древнейшей музыке

Издательство

"Ars Magica"

Казахстан

2023 г.

Тираж 50 экз.

Содержание

Предисловие	4
Предисловие автора	6
I. Поэты и менестрели	19
II. Древесный алфавит. Часть 1	40
III. Древесный алфавит. Часть 2	88
IV. Число зверя	116
V. Тройственная Муза	130
VI. Баснословные звери	183
VII. Единственная тема поэзии	208
VIII. Война на небесах	245
IX. Возвращение Богини	307
Постскрипtum 1960 года	334

Предисловие

Замечательный во всех своих разнородных проявлениях поэт, исследователя поэзии, восприимчивого и просвещенного гуманитария, романиста, рассказчика, мифолога, Роберт Грейвс – один из самых оригинальных писателей нашего века. Он родился в Лондоне в 1895 г. Среди его предков был немецкий историк Леопольд фон Ранке, чью всеохватывающую любознательность он, вероятно, унаследовал. Ребенком он получил в усадебном парке благословение Суинберна, получившего благословение Лэндора, получившего благословение доктора Сэмюэла Джонсона. В годы первой мировой войны Грейвс сражался в рядах знаменитого полка королевских уэльских стрелков. Данный период его биографии отражен в книге «Goodbye to All That» («Прощание со всем этим»), вышедшей в 1929 г. Он одним из первых увидел в написанном Джерардом Мэнли Хопкинсом уникальную ценность, но не соблазнился ни его метрикой, ни аллитерационным стихом. Грейвс никогда не старался быть современным, заявляя, что поэт должен писать, как отдельный поэт, а не как целая эпоха. Он наделял сакральными чертами каждого занятого искусством, которое было для него единым и вечным. Не верил в литературные школы и манифесты. В «Обыкновенном асфоделе» покусился на авторитет Вергилия, Суинберна,

Кипплинга, Элиота и – что уже гораздо понятней – Эзры Паунда. Его главная книга «Белая Богиня», претендующая на роль первой грамматики

поэтического языка, на самом деле – великолепный миф, то ли отысканный Грейвсом, то ли Грейвсом придуманный. Белая Богиня его мифа – это Луна; по Грейвсу, западная поэзия представляет собой лишь разветвления и вариации этого сложного лунного мифа, ныне восстановленного им в целостности. Он хотел вернуть поэзию к ее магическим истокам. Сейчас, когда я пишу это предисловие, Роберт Грейвс, окруженный любовью близких и почти свободный от своего как бы уже забытого смертью тела, угасает на Майорке в спокойном упоении жизнью, граничащем с восторгом.

Для всех эллинистов, включая Грималья, мифы, которыми они занимаются, – попросту музейные экспонаты либо забавные старые сказки. Грейвс исследует их в хронологии, ища за различием форм постепенное видоизменение живых истин, которые не стерло христианство. Это не словарь, это книга, охватывающая века и соединяющая в себе воображение и Природу.

Хорхе Луис Борхес.

Предисловие автора

Первое издание этой книги вышло в 1946 г., но с тех пор ни один специалист по древнеирландскому и древневаллийскому языкам не предложил мне помочь с аргументацией моих доводов, никто не указал на неизбежные в любом тексте ошибки и вообще никак не откликнулся на ее появление. Я разочарован, хотя и не слишком удивлен.

Книга действительно весьма необычна; но ведь за составление исторической грамматики языка поэтического мифа еще никто не брался, поэтому, чтобы добросовестно выполнить эту задачу, мне пришлось иметь дело с «вопросами головоломными, но все же поддающимися разгадке», вроде тех, что приводит в «Гидриотафии» сэр Томас Браун – «... какую песню пели Сирены или под каким именем скрывался среди Женщин Ахилл?» Я нашел конкретные и недвусмысленные ответы на эти и многие другие вопросы вроде:

Кто раздвоил дьяволу копыто? Когда в Британии появились пятьдесят Данаид со своими ситами? Какую тайну заключал в себе Гордиев узел? Почему Яхве сначала сотворил деревья и траву, а потом уже Солнце, Луну и звезды? Где будет обретена Мудрость?

Должен, однако, честно предупредить читателя: книга эта все же не только весьма необычна, но и весьма непроста, и за нее не стоит браться тем, чей ум отличается смятенностью, пресыщенностью или строго научным строем. Я старался ничего не упустить в своих многотрудных доказательствах, возможно лишь потому, что читатели моих последних

исторических романов с некоторой долей сомнения восприняли неортодоксальные выводы, не всегда подкрепленные авторитетными цитатами.

Вероятно, теперь они с удовлетворением обнаружат, что загадочная формула Быка-теленка и два Древесных алфавита, которые появляются у меня в «Царе Иисусе», – не «досужая игра» воображения, но логические выводы из достойных уважения свидетельств древности.

Я исхожу из того, что язык поэтического мифа, с давних пор бытовавший в Средиземноморье и на севере Европы, был языком магическим, связанным с распространенными религиозными ритуалами в честь Лунной Богини, или Музы, – часть которых восходит к каменному веку, – и что по сей день он остается языком истинной поэзии – «истинной» в ностальгическом на сегодняшний день представлении о ней как о «не нуждающемся в совершенствовании оригинале, а не искусственном заменителе».

Язык этот подвергся искажению в конце минойского периода, когда вторгшиеся из Центральной Азии племена стали заменять Матриархальные институты на патриархальные, а также переиначивать и фальсифицировать мифы, чтобы оправдать перемены в обществе.

Потом появились ранние греческие философы, которые крайне отрицательно относились к магической поэзии усматривая в ней угрозу новому предмету своего поклонения – логике.

Под их влиянием в честь их покровителя Аполлона был разработан рациональный поэтический язык (сейчас его называют классическим) и навязан миру как последнее слово духовного озарения. С тех пор эта точка зрения преобладает в евро-

пейских школах и университетах, где мифы изучают сегодня как причудливые пережитки младенческой поры человечества.

Одним из тех, кто бескомпромиссно отвергал раннюю греческую мифологию, был Сократ. Мифы то ли пугали его, то ли вызывали раздражение. Он предпочел отвернуться от них и приучить разум к научному мышлению – «изыскивать причину бытия всего сущего – сущего таким как оно есть, а не каким представляется, и отвергать всякое суждение, которому нельзя дать обоснование».

Вот типичный отрывок из «Федра» Платона:

ФЕДР. Скажи мне, Сократ, не здесь ли где-то, с Илисса, Борея, по преданию, похитил Орифию?

СОКРАТ. Да, по преданию.

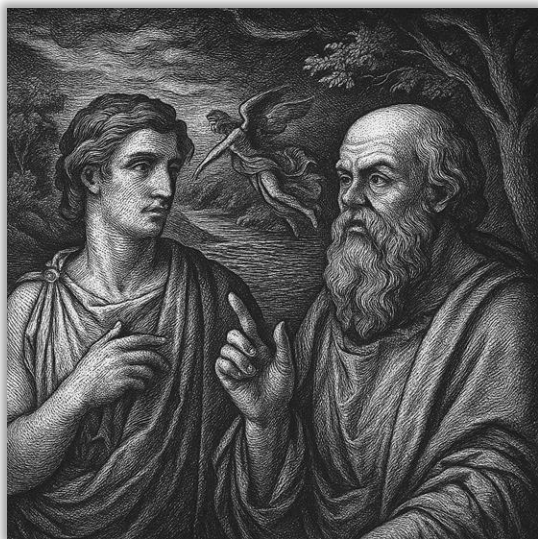
ФЕДР. Не отсюда ли? Речка в этом месте такая славная, чистая, прозрачная, что здесь на берегу как раз и резвятся Девушкам.

СОКРАТ. Нет, то место ниже по реке на два-три стадия, где у нас переход к святилищу Агры: там есть и жертвенник Борею.

ФЕДР. Не обратил внимания. Но скажи ради Зевса, Сократ, ты веришь в истинность этого сказания?

СОКРАТ. Если бы я и не верил, подобно мудрецам, ничего в этом не было бы странного – я стал бы тогда мудрствовать и сказал бы, что порывом Борея сбросило Орифию, когда Она резвилась с Фармакеей на прибрежных скалах; о такой Ее кончине и сложилось предание, будто Она похищена Бореєм. Или он похитил Ее с холма Арея? Ведь есть и такое предание – что Она была похищена там, а не здесь.

Впрочем, я-то, Федр, считаю, что подобные толкования хотя и привлекательны, но это дело человека особых способностей; трудов у него будет много, а удачи – не слишком, и не почему другому, а из-за того, что вслед за тем придется ему восстанавливать подлинный вид гиппокентавров, потом химер, и нахлынет на него целая орава всяческих горгон и пегасов и несметное скопище разных других нелепых чудовищ. Если кто, не веря в них, со своей доморощенной мудростью приступит к правдоподобному объяснению каждого вида, ему понадобится много досуга. У меня же для этого досуга нет вовсе.

А причина здесь, друг мой, вот в чем: я никак еще не могу, согласно дельфийской надписи, познать самого себя. И, по-моему, смешно, не зная пока этого, исследовать чужое.

Дело в том, что во времена Сократа смысл большинства мифов, принадлежавших прежней эпохе, был или забыт, или по религиозным соображениям держался в строгой тайне, хотя мифические образы сохранились в религиозном искусстве и по-прежнему были в ходу как сказания, к которым обращались поэты. Когда философу предлагалось поверить в Химеру, кентавров или крылатого коня Пегаса – явные символы пеласгического культа, – он считал себя обязанным отвергнуть их потому, что они невозможны с зоологической точки зрения и, не располагая ни сведениями о том, Кто Такая на самом деле «Нимфа Орифия», ни знаниями о древнем афинском культе Борея, был способен разве что на неуклюжее натуралистическое объяснение Ее похищения с горы Илисс – «наверняка порывом ветра Ее сдуло где-то здесь с одного из утесов, у его подножия Она и нашла Свою погибель».

Все вопросы, о которых упоминает Сократ, рассмотрены в этой книге и разрешены, по крайней мере, к моему удовлетворению. «Человек особых способностей»¹ – это про меня, но при этом не могу согласиться, что я сколько-нибудь менее удачлив, чем Сократ, что у меня больше досуга или что стремление понять язык мифа не имеет отношения к самопознанию.

Сказанные им в раздражении слова «доморошенная мудрость» приводят к мысли о том, что Химера, кентавры и тому подобное долго не давали ему покоя, но «причины их бытия» ускользали от него, поскольку он не был поэтом, к поэтам относился с недоверием, был убежденным горожанином и редко выбирался на Природу.

¹ В английском переводе Платона – «человек крайне любопытный и усердный» (примеч. перев.).

Как он сам признался Федру, «местности и деревья ничему не хотят меня научить, не то, что люди». Изучение же мифологии, как вы убедитесь, невозможно без знаний о деревьях и о том, какие изменения происходят в Природе в то или иное время года.

Отворачиваясь от поэтических мифов, Сократ, по сути дела, отворачивался от вдохновлявшей их Лунной Богини, Которая требовала от мужчины воздать Женщине должное как в духовном плане, так и в плотском. Что касается бегства философа от власти Богини в интеллектуальный гомосексуализм (в так называемую платоническую любовь), то правильнее назвать эту любовь сократической.

Сократ не мог сослаться на неведение: Мантийника Диотима, Пророчица из Аркадии, чудесным образом избавившая Афины от чумы, однажды напомнила ему, что любовь мужчины должна быть направлена на Женщин и что всеми актами рождения – физическими, духовными и интеллектуальными – руководит триада Богинь: Мойра, Илифия и Каллона – Смерть, Рождение и Красота.

В том месте «Пира», где Платон приводит рассказ Сократа о мудрых словах Диотимы, пиршество прерывает подвыпивший Алкивиад, который разыскивает прекрасного юношу Агафона и находит его возлежащим рядом с Сократом. Алкивиад тут же сообщает всем, что когда-то подбивал влюбленного в него Сократа на содомский грех, но тот по-философски отказался, вполне довольствовавшись тем, что всю ночь сжимал в целомудренных объятиях прекрасное тело своего возлюбленного.

Услышь это Диотима, Ее лицо исказилось бы, и Она трижды сплюнула бы Себе на грудь: ибо, хотя Богиня в образе Кибелы и Иштар допускала содомию в Своих собственных храмах, идейный гомо-

сексуализм был куда более серьезным отступлением от морали – это попытка мужского интеллекта стать духовно самодостаточным.

Месть Богини Сократу за то, что он – если можно так выразиться – пытался познать себя в аполлоническом духе вместо того, чтобы предоставить это Жене или Любовнице, была весьма характерной. Она определила ему в Жены сварливую мегеру и обрекла на идеальную любовь к Алкивиаду, который опозорил его, став развратником, безбожником, предателем и себялюбом – погибелью для Афин.

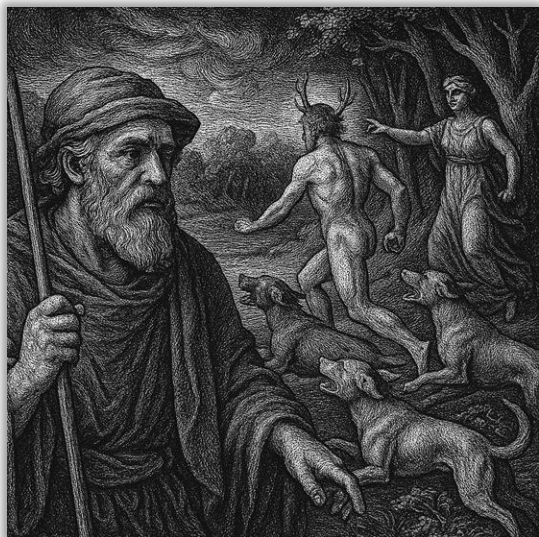
Оборвала Она жизнь Сократа с помощью настоящей цикуты (посвященного Ей как Гекате² растения с белыми цветками и мышинным запахом) – такую казнь определили ему сограждане в наказание за развращение юношества. После смерти Сократа ученики представили его мучеником; под их влиянием мифы приобрели еще более сомнительную славу, пока, в конечном счете, не превратились в предмет досужих остроумий и пока Евгемер из Мессении и его последователи не стали «разъяснять» мифы как извращение реальных событий.

В изложении евгемеристов миф об Актеоне, например, – это рассказ о некоем господине из Аркадии, который до такой степени увлекался охотой, что извел все свое состояние на содержание своры гончих. Но и после того, как Александр Македонский разрубил Гордиев узел (с точки зрения морали его поступок исполнен гораздо больше смысла, чем принято считать), древний язык почти без изменений сохранился в тайных мистериях и культах Элевсина, Коринфа, Самофракии и еще кое-где; когда

² Это было известно Шекспиру. См. Макбет, IV, 1, 25 (здесь и далее, если не отмечено особо, примечание автора).

первые христианские императоры их запретили, ему продолжали обучать в поэтических школах Ирландии и Уэльса и на колдовских шабашах в Западной Европе. В конце XVII в. этот язык как элемент традиционных религиозных верований народа практически исчез из обихода.

И хотя в индустриальной Европе до сих пор пишут стихи, обладающие магической силой, это происходит скорее благодаря вдохновенному, почти патологическому возвращению к первоначальному языку – необузданному «глаголанию во языцех» на Пятидесятницу, чем благодаря прилежному изучению его грамматики и словарного состава.

На самом деле обучение английскому стихосложению следует начинать не с «Кентерберийских рассказов», не с «Одиссеи» и даже не с «Книги

Бытия», а с «Песни Амергина» – древнего кельтского календаря-алфавита, дошедшего до нас в нескольких, намеренно искаженных ирландских и валлийских вариантах и представляющего собой краткое изложение первоначального поэтического мифа. Восстановленный мною текст выглядит так:

Олень я: в семь ветвей рога,
Я паводок: в равнины ширь,
Я ветер: над глубиной озер,
Я капля рос: паду с зарей,
Я сокол: над скалой парю,
Я шип: засевший под ногтем,
Я чудо: среди всех цветов,
Я чародей: мне ль воспалить
Огнем ум хладный не дано?
Свищу копьем: мне быть в крови,
Лосось я: в заводи плещусь,
Соблазн я: горних райских куш,
Я взгорок: здесь ступал поэт,
Кабан лесной я: зол и рыж,
Бурун я: гибелью грожу,
Прилив я: к смерти увлеку,
Дитя я: разве за дольменом
Не мой заметишь взгляд?
Я лоно: всякого леска,
Я тропка: всякого холма,
Я матка пчел: мой всякий рой,
Защита я: любой главе,
Могила я: надежда всем.

К сожалению, несмотря на то, что в христианстве много мифического, под «мифическим» стали понимать «воображаемое, невозможное, внеисторическое» – ведь в развитии греческих,

римских и палестинских мифов роль воображения незначительна. Это относилось и к кельтским мифам, пока нормандско-французские труверы не превратили их в рыцарские истории, воспринимать которые серьезно невозможно.

В мифах со всей достоверностью запечатлены религиозные обряды и события древности, на них можно положиться как на исторические свидетельства, необходимо лишь понять их язык и сделать поправку на возможные ошибки при переписывании, неверные толкования забытых обрядов и произвольные изменения, внесенные по моральным и политическим соображениям. Конечно, некоторые мифы сохранились гораздо лучше других, так, «Мифы» Гигина, «Библиотеку» Аполлодора и ранние сказания валлийского «Мабинोगиона» легко читать по сравнению с обманчиво простыми хрониками Книг Бытия, Исхода, Судей и Царств. Видимо, решать запутанные мифологические задачи трудно в первую очередь потому, что:

Отняты титулы ликующих богов
У ими же поверженных врагов.

Впрочем, не так уж важно, каким именем называли божество в том или ином краю, в ту или иную эпоху, – куда важнее знать, какого рода жертвы ему приносили. Могущество богов подвергалось постоянному пересмотру.

Например, греческий бог Аполлон начинал, судя по всему, в доарийской тотемической Европе как демон клана Мыши; при помощи оружия, шантажа и обмана он постепенно поднялся до покровителя музыки, поэзии и искусств и в

конечном счете (по крайней мере в некоторых регионах) оттеснил своего «отца» Зевса от правления Вселенной, отождествив себя с Белином, интеллектуальным божеством света. Еще запутаннее история еврейского бога Яхве.

«В чем смысл и назначение поэзии в наши дни?» Этот вопрос стоит по-прежнему остро, ибо множество людей недалеких вызывающе задают его, а множество глупцов отвечают на него, как бы оправдываясь. Предназначение поэзии – в благоговейном поклонении Музе, а смысл – в том восторге и ужасе, которые внушает Ее присутствие. Ну, а «в наши дни»?

Смысл и предназначение остались прежними, изменилось лишь ее применение. Когда-то поэзия служила предостережением человеку, чтобы он жил в согласии с сообществом всех живых

существ, среди которых рожден, повинуюсь желаниям Хозяйки дома. Теперь поэзия напоминает ему, что этим предостережением он пренебрег, своими прихотливыми экспериментами в философии, науке и промышленности все перевернул в доме вверх дном и навлек гибель на себя и род свой.

«Наши дни» – это цивилизация, отрекшаяся от главных символов поэзии. Змее, льву и орлу теперь место разве что в цирке, а быку, лососю и кабану – на консервном заводе; скаковая лошадь и гончая – это тотализатор на бегах, а священная роща ассоциируется с лесопилкой. Луну презрительно считают погасшим спутником Земли, в Женщине видят «резервную рабочую силу государства». На деньги сейчас можно купить все, кроме истины, и почти каждого, кроме одержимого истиной поэта.

Можете звать меня, если угодно, лисом без хвоста: я никому не прислуживаю и предпочитаю жить на окраине горной деревушки на Майорке: местные жители хоть и католики, но священников не жалуют, жизнь их до сих пор подчиняется древнему земледельческому циклу.

У меня нет хвоста, нет контактов с цивилизацией, и потому все, что я пишу, должно быть, производит впечатление чего-то извращенного и несообразного на тех, кто прямо или косвенно служит винтиками промышленной машины – на рабочих, менеджеров, коммерсантов, рекламных агентов и на чиновников, издателей, журналистов, школьных учителей, сотрудников радиокompаний. Если вы – поэт, вы должны понять, что, согласившись с моим пониманием истории, вы

признаетесь тем самым в предательстве, но вы вряд ли на это пойдете; вы выбрали работу, гарантирующую вам постоянный доход и досуг, чтобы по совместительству заниматься таким нужным служением обожаемой вами Богине.

Да кто я такой, спросите вы, со своими предостережениями о том, что Богиня требует посвящать Ей себя целиком и иного служения не признает? Но разве я предлагаю вам увольняться с работы и из-за недостатка капитала становиться мелкими арендаторами, превращаться в романтических пастушков (как Дон Кихот, не сумевший найти общий язык с современным миром) на отдаленных фермах, до которых еще не добрался технический прогресс? Нет, утратив хвост, я не вправе давать вам какие-либо практические советы.

Я попытаюсь лишь сформулировать проблему в контексте истории; а как вы поладите с Богиней – это не моя забота.

Я даже не знаю, действительно ли вы относитесь к своему поэтическому призванию всерьез.

Р. Г. Дея,
Майорка, Испания

I. Поэты и менестрели

Я одержим поэзией с пятнадцати лет, и мне никогда не приходило в голову заниматься чем-то таким, что, как мне казалось, не отвечает ее принципам. Это стяжало мне славу человека со странностями. Зарабатывая на жизнь прозой, я использовал ее как подспорье, позволявшее оттачивать чувство поэзии, природа которой совершенно иная, и избирал темы, которые в моем сознании были неизменно связаны с главными задачами поэтического творчества.

Мне уже шестьдесят пять, и я до сих пор не перестаю поражаться, с каким парадоксальным упорством поэзия отстаивает свое право на существование в условиях современной цивилизации. Хотя поэзия признана высокоумным занятием, это единственная профессия, для овладения которой нет специальных учебных заведений и в которой отсутствует хотя бы приблизительный эталон оценки мастерства. «Поэтами не становятся, поэтами рождаются».

Из этого нужно, видимо, сделать вывод, что природа поэзии слишком таинственна, чтобы ее исследовать, что ее истоки – еще большая тайна, чем королевское происхождение. Ведь королем можно не только родиться, но и стать, а вот слова короля, которого уже нет в живых, не имеют особой ценности ни для церковной кафедры, ни для пивной.

Парадокс этот можно объяснить тем, что звание поэта, как и королевский титул, до сих пор почему-то пользуется в обществе большим почетом,

и сопряжено с представлением, что поэзия, поскольку она не поддается научному анализу, происходит от некой магии, а с магией лучше не связываться. Европейская поэзия, в конечном счете, действительно зиждется на магических принципах, к начаткам которых в течение веков относились с благоговением и хранили в строгой тайне, но впоследствии исказили, подвергли сомнению и забыли.

В наши дни поэтам очень редко случается исполниться былой духовности и сообщить стихотворным строкам действительно магическую, в стародавнем понимании, силу. В остальном современная практика стихосложения напоминает фантастические, обреченные на неудачу эксперименты средневекового алхимика по превращению простого металла в золото с той разницей, что алхимик, по крайней мере, мог распознать чистое золото, когда видел и брал его в руки. Истина заключается в том, что золото можно добыть лишь из золотоносной руды, а сочинить стихи можно лишь тогда, когда есть поэзия. В этой книге рассказывается про обретение некогда утраченных первооснов поэзии и о действенных принципах поэтической магии, которые являются для них определением.

Мои доводы основаны на тщательном анализе двух удивительных поэм валлийских менестрелей XIII в., в которых искусно скрыты ключи к этой древней тайне.

В качестве введения в историю предмета необходимо четко обозначить различие между придворными бардами и странствующими менестрелями древнего Уэльса. Валлийские барды, или

поэты-наставники, подобно ирландским, имели свою профессиональную традицию – свод поэм, который они заучивали наизусть, тщательно обдумывали, а затем передавали ученикам. Сегодняшние английские поэты (их язык берет начало в презренном разговорном языке позднего Средневековья, когда валлийская поэзия уже имела многовековую традицию) могут задним числом лишь позавидовать: молодой поэт был избавлен от тех мучительных сомнений, в которых ему приходится совершенствовать свое поэтическое мастерство сейчас, занимаясь беспорядочным чтением, советуясь с такими же сомневающимися в себе друзьями и отваживаясь на стихотворные опыты.

Лишь в Ирландии поэту-наставнику позволялось иметь свой собственный стиль. После того как валлийских поэтов обратили в христианство и подчинили церковной дисциплине (процесс этот, как следует из валлийского законодательства того времени, завершился к X в.), их традиция постепенно заостенела. Хотя от поэтов по-прежнему ждали высокого поэтического мастерства и при королевских дворах разгорались нешуточные страсти вокруг кандидата, достойного занять «поэтическое кресло», им приходилось избегать того, что церковью было признано отступлением от истины, то есть опасных экзерсисов поэтического воображения в области мифов или аллегорий.

Допускались лишь определенные эпитеты и метафоры. Сходным образом была ограничена тематика, закреплены определенные размеры. Навязчивой идеей стало использование навязшего в зубах синганеда – повторяющихся рядов

согласных, чередующихся с гласными ³. Поэты-наставники превратились в придворных, которые должны были славить бога, а затем – короля или принца, предоставившего им это «кресло» за своим царственным столом. Даже после того, как в конце XIII в. валлийские правители утратили свою власть, барды в домах знати по-прежнему придерживались этого бесплодного поэтического устава.

Вот что пишет в «Трудах Благородного Собрания Киммродориона» (1913–1914 гг.) Т. Гвинн Джонс:

«Те немногие свидетельства, которые можно обнаружить в творениях бардов вплоть до утраты власти валлийскими правителями, указывают на то, что подробно описанная в «Законах» система сохранилась, хотя и с определенными изменениями. Дальнейшие изменения можно проследить в своде поэтических размеров «Хливр Кох Хергест», из которого в XV в. возник «Кармартен Эйстетвод». Как известно, «гогинвейрт» (придворные барды) придерживались закреплённой в этом своде традиции, а она практически сводится к евогам и элегиям и исключает сказание. Воз-

³ По-английски синганед можно проиллюстрировать следующим образом:

Billet spied,
Bolt sped.
Across field,
Crows fled.
Aloft, wounded,
Left one dead.

Строгого ценителя может смутить соответствие ss в across и s в crows, которая читается как z.

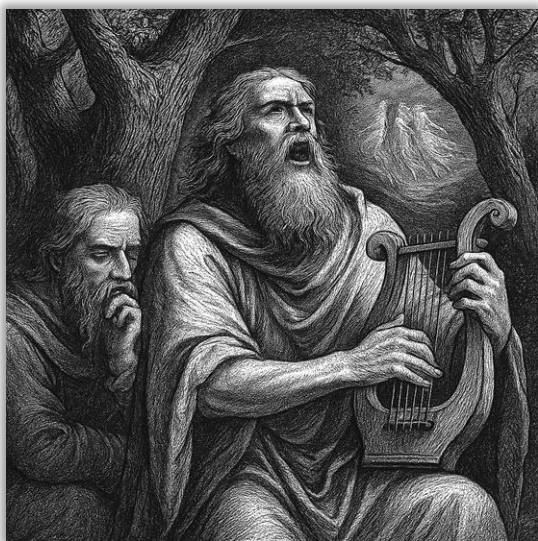
можно, их приверженность к тому, что они почитали исторической истиной, обусловлена влиянием критиков, давно уже подчинивших себе их организацию.

Практически барды не использовали традиционный материал народных баллад, а сведения об именах мифических и внеисторических персонажей черпали в основном из «Триад». Стихи о Природе и любви встречались в их сочинениях от случая к случаю и не получили за это время почти никакого развития... О Природе в стихотворениях придворных бардов упоминается редко и вскользь, и эти упоминания ограничены в основном самыми суровыми ее проявлениями – наступающее на берег моря, неистовство зимних штормов, горящая весенняя поросль на горных склонах.

Характеры героев лишь намечены посредством эпитетов, ни одна сцена не описана полностью, о битвах упоминается в лучшем случае одной-двумя строками. Судя по их представлениям, поэзия, в частности евлога, сводится к эпитетам и аллюзиям, позволяющим восстановить исторические факты, предположительно известные слушателям. Здесь почти не встретишь повествования, изредка попадаетесь сравнительно связное описание отдельного эпизода. Такой, если не считать народных баллад, валлийская поэзия практически остается и по сей день.

С другой стороны, сказания и баллады очень живы и колоритны, в них встречаются даже описания характеров. Свободная от ограничений на тему и форму описания, игра воображения перерастает в них в творческую фантазию».

Рассказывали эти сказания валлийские мене-стре́ли, объединенные в гильдию, статус которой не был обусловлен «Законами». Менестрели не были связаны ни с епископами, ни с представителями светской власти и, свободно используя поэтический язык, выбирали любые темы и размеры. Об их организации и истории почти ничего не известно, но поскольку в народе считалось, что они обладают даром прорицания и предвидения, а также могучей губительной сатиры, они, вероятно, являются наследниками первых валлийских поэтов-наставников, которые сами отказались или им было отказано в покровительстве двора после завоевания Уэльса кимрами.

Кимры (мы считаем их истинными валлийцами: из них и набирали надменных придворных бардов) были представителями племенной аристо-

кратии бретонского происхождения, державшими в подчинении сервов – рабов-гаэлов, бретонцев, людей бронзового века и неолита, и коренных жителей. Кимры вторглись в Уэльс с севера Англии в V в.

Менестрели некимрского происхождения бродили от деревни к деревне, из дома в дом, развлекая поселян – в зависимости от времени года – под сенью дерев или у очага. Именно они стали хранителями невероятно древней литературной традиции, главным образом народных сказаний, которые содержали элементы не только докимрских, но и догэльских мифов, восходящих иногда к каменному веку. Основы их поэтики сформулированы в триаде в «Хливр Кох Хергест» (Красная Книга Хергеста):

Три вещи обогащают поэта:
Мифы, сила поэтического слова
И запас древних стихов.

Поначалу обе поэтические школы существовали порознь, причем «толстопузым» и разоде́тым придворным бардам запрещалось сочинять в духе менестрелей, их подвергали наказанию, если они осмеливались появиться вне дворов королей и высшей знати.

А голодные и оборванные менестрели не только не допускались ко двору, но и не были обучены замысловатым стихотворным формам, обязательным для придворных бардов. Тем не менее, в XIII в. искусству менестрелей стали покровительствовать нормандско-французские завоеватели – вероятно, под влиянием бретонских рыцарей, которые понимали валлийский язык и считали не-